

С. АМБРАЗАС

К РЕКОНСТРУКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

Словообразовательная система отглагольных существительных литовского языка состоит из следующих категорий: а) имен действия, названий, б) результатов действия, в) носителей процессуального признака, г) инструментов, д) мест действия. Имена действия (*nomina actionis*; в дальнейшем — ИД) занимают среди них особое место. В отличие от других отглагольных существительных, обозначающих разные объекты окружающей среды. ИД обладают значением процессуального признака и функционируют в предложении в качестве включенных предикатов. Противоположность значения процессуального признака, характерного для глагола, именной форме и именным конструктивным свойствам существительного делает категорию ИД семантически неустойчивой и способствует переходу многих ИД в другие словообразовательные категории отглагольных существительных. Однако соотношения категории ИД с другими категориями отглагольных существительных и структура их взаимных противопоставлений на разных этапах развития языка различны. Определение этих соотношений, обуславливающих переход ИД в другие категории, способствует реконструкции основных диахронических процессов во всей словообразовательной системе отглагольных существительных.

Состояние словообразовательной системы отглагольных существительных древнелитовского языка определено на основании текстов XVI—XVII вв., значительная часть которых¹ подверглась полной выборке. Для сопоставления с современным литовским языком использованы данные большого „Словаря литовского языка“ (LKŽ I—XIII), его картотеки и описание именного словообразования, которое дано В. Урбутисом в академической „Грамматике литовского языка“ (LKG).

Наиболее тесные связи обнаружены между ИД и названиями результатов действия (*nomina acti*). Многие ИД, особенно образованные от

¹ Т. е. сочинения М. Мажвидаса, Б. Вилентаса, Й. Резы, М. Даукши, К. Сирвидаса, К. Пяткявичюса, С. М. Славочинскиса, Б. С. Хилинскиса, Постилла Й. Бреткунаса, анонимные катехизисы 1605, 1677, 1680 гг., рукописный немецко-литовский словарь XVII в. (*Lexicon Lithuanicum — Lex*).

транзитивных глаголов, используются также для обозначения результатов или объектов действия. Напр., отглагольное существительное *vālgymas* в литовских текстах XVI—XVII вв. в конкретном значении ‘пища’ (характерном также для современных диалектов) встречается даже чаще, чем в абстрактном значении ‘процесс еды’ (только в DP 17x; SD³ 476, BB Prov 31,15; Lex 60). Значением результата действия в древнелитовском обладают и другие ИД с суффиксом *-imas/-umas*: *patepimas* ‘пятно’ Mž 33₁₆; Vln 53₁₆; BP I 145₂₃, Lex 60; ‘мазь, масло’ DP 9x; SP I 127₁₆; *suplėšymas* ‘добыча’ BP I 291₃, 300₂₈; BB Jos 11,14; 1 Cor 21,2; *plėšymas* ‘то же’ (Raub) BB Ps 17,34; 68,13; 76,5; Prov 1,13; 4,17; (šup) DP 508₇ (в современных диалектах — ‘пашня’ LKŽ X 167—168); *apdengimas* ‘одежда, покрывало’ Mž 37₂₁; SD¹ 110; *audimas* ‘ткань’ (textus, textura) SD³ 443; BB Ex 35,35 (также в современных диалектах, см. LKŽ I² 457) и др.

Процесс конкретизации ИД и превращения их в названия результатов действия прослеживается в период письменной традиции литовского языка. В XVI—XVII вв. значением ИД еще обладал ряд производных с суффиксом *-men-*, который в настоящее время используется только для образования названий результатов действия. Напр., в древнелитовском находим следующие ИД от глагола *pjauti*: *pjūtiuo* ‘жатва’ MP 86b₂₁, МКг 72₂₇; Ch Gen 8,22 (еще Kos 50; Ndž; Jn — LKŽ X 44); *pjūmenė* ‘то же’ (žniwo, žęcie) SD³ 550; MP 87; N 303; K 315 (со значением ‘август’ N 303; K 315); *pjūmenis* ‘жатва’ SP I 281₁₅; МКг 59₃₀, 71_{21,25}, 74_{7,22} ...; *mėniuo pjūmenies* ‘август’ (sierpień) SD³ 402 (с последним значением еще A 1884, 28 — LKŽ X 43). Почти все ИД данного типа в дальнейшем были утрачены, а некоторые из них перешли в категорию названий результатов действия. Среди последних можно отметить производное *reikmenė*, которое в текстах XVI—XVII вв. обладает значением ‘дело; необходимость; беда’, а в современных диалектах — только ‘нужная вещь, необходимость’.

В категорию названий результатов действия перешли также некоторые ИД, относящиеся к другим словообразовательным типам: *būрта* ‘колдовство, волшебство; жребий’ — ныне ‘отрубок дерева; четырехугольная клетка ткани’²; *pamiñklas* ‘память’ — ныне ‘памятник’; *veikalas* ‘действие, деятель-

² Ср.: лтш. *buřta* ‘жребий’ и др.-рус. *бурть* ‘колода для пчел; дерево с ульем’, укр. диал. *борта* ‘дупло’ < **bьrtь* (этимологию см.: Būga RR I 252; Jēgers V. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter (в дальнейшем — Bedeut.). — KZ, 1966, Bd. 80, S. 36; Fraenkel LEW 67; Фасмер ЭСРЯ I 198; ЭССЯ III 132—133), а также лит. *būrtai*, лтш. *burts* ‘колдовство’, прус. *Burthe, Burtin, Burtims, Burtim*, прасл. **bьrtь* (Топоров Прус. яз. А—D 266—267), возможно, и анат. **purta-* ‘магия; ритуал’ (Баюн Л. С. К проблеме балто-анатолийских изоглосс. — В кн.: Международная конференция балтистов 9—12 октября 1985 г.: Тез. докл. Вильнюс, 1985, с. 128).

ность, работа' — ныне 'произведение'; *skỹrius* 'разница' — ныне 'глава, раздел (текста); отделение (учреждения)'; *pjũvis* 'жатва' — ныне 'разрез'; *valgis* 'процесс еды' — ныне 'пища'.

Другие ИД получили значение результатов действия уже в дописьменную эпоху. Напр., производные *lydimas* 'вырубка' (ср. лтш. *lidums* 'то же', см. Jēgers Bedeut. 49), *pũdumas* 'поле под паром' в древнелитовском имеют только конкретное значение. О наличии в отдаленном прошлом процессуального значения таких производных, как лит. *tākas* (лтш. *taks*) 'тропа', можно заключить только путем сравнения их с соответствующими производными в других родственных языках: ст.-сл. *tokъ* 'течение, бег', др.-инд. *taka-* 'бег' и др.

Конкретизацию ИД и превращение их в названия результатов действия с типологической точки зрения можно считать общеиндоевропейской тенденцией³. Однако далеко не все названия результатов действия возникли путем конкретизации ИД. Немалая группа литовских названий результатов действия имеют соответствия с конкретным значением во многих родственных языках, ср.: лит. *ātlaikas* 'остаток' и ст.-сл. *otylěkъ*, др.-инд. *atireka-* 'то же'⁴; лит. *dalis* 'часть', *dalià* 'доля' и лтш. *daļa*, праслав. **dolv*, **dol'a* 'то же', др.-инд. *dali-* 'кочок земли'; лит. *dirvà* 'пашня' и лтш. *dirva* 'хлебное поле', др.-в.-нем. *terwe* 'пшеница', др.-инд. *dũrvā* 'пшено'; лит. *grĩndys* 'пол', *grandà* 'перекрытие, пол', *grandis* 'кольцо, звено' и лтш. п. pl. *gruõdi* 'мостовой настил; балка; колодезный сруб', *grida* 'толстая доска', прус. *graudis* (т. е. *grandis*) (Rincke) E 251, *grand-ico* (Bole) E 632, праслав. **gręda*, **grąda*, др.-исл. *grind* 'корма; рама; остов; решетка; ограда'; лит. *grũdas* 'зерно', *gruõdas* 'замерзшая грязь' и лтш. *grũds* 'зерно', *grauds* 'то же', прасл. **gruda* 'глыба', др.-исл. *gríót* 'камни'; лит. *guĩbas*, *guĩbras* 'желвак, шишка' и лтш. *gumba* 'то же', прасл. **gõba* 'губка', др.-исл. *kumpr* 'желвак'; лит. *kalnas* и лтш. *kaĩns*, лат. *collis* (< **colnis*) 'гора'; лит. *kaĩpas* 'угол' и лтш. *kumpra* 'горб, ком', прасл. **kõpa*, греч. *καμπή* 'изгиб'; лит. *kaĩpas* 'куча, множество', *kũopa* 'группа людей; товарищество; копна' и лтш. *kuõpa* 'куча; связка; узел; группа людей', прус. *Kaureaps* (Gerullis Altpr. Orts. 58.), прасл. **kupъ* 'куча', др.-перс. *kaufa* 'горы'⁵; лит. *kaušas* 'ковш' и лтш. *kaũss* 'череп; ковш', лат. *caucus*, греч. *καυχίον* 'чаша'⁶; лит. *kėlmas* 'пень' и лтш. *celms* 'то же', прус. *kalmas* (Stock)

³ Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprache. — Strassburg, 1906, Bd. 2, T. 1 (в дальнейшем — Grdr), S. 626—628.

⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и культуры. — Тбилиси, 1984 (в дальнейшем — Инд. яз.), с. 417.

⁵ Būga RR II 355—356; Pokorny IEW 591—592; Karaliūnas S. Dėl liet. *kũopa* ir *kaĩpas* etimologinio ryšio. — Baltistica, 1969, t. 5(2), p. 183—196.

Е 633, др.-в.-нем. *skalm* ‘челн’; лит. *kuõlas* ‘кол’ и прасл. **kolvь*, греч. σκῶλος ‘кол’ (Būga RR II 343–346; Фасмер ЭСРЯ II 285; ЭССЯ X 160–161); лит. *māliava* ‘зерно для помола’, серб.-хорв. *млѐво*, рус. диал. *мелево*, алб. *miell* ‘мука’, др.-англ. *melu* (dat. sg. *melwi*) ‘зерно для помола’; лит. *māzgas* ‘узел’ и прасл. **mozgь*, др.-инд. *majjā* ‘костный мозг’ (Būga RR II 312; Fraenkel LEW 426–427); лит. *nāras* ‘петля, звено; верша’, н. pl. *nārai* и лтш. *nārs* ‘скоба, стальной станок’, н. pl. *nāri* ‘нары’, рус. *нора*, др.-в.-нем. *narwa* ‘рубец’; лит. *pāntas* ‘поперечина стропилины’ и прус. *panto* (Vesser) Е 542, ст.-сл. *poto* ‘пути’, возможно, греч. πόντος ‘море, водный путь’⁸; лит. *pelnas* ‘доход, прибыль’ и лтш. *pelņa* ‘заслуга, прибыль’, прасл. **pelnъ* ‘то же’, др.-инд. *paṇa* ‘обещанная награда’ (Фасмер ЭСРЯ III 314–315; Fraenkel LEW 567–568); лит. *pėnas* ‘корм’ и лат. *penus* ‘продовольственный запас’, др.-инд. *panasa-* ‘хлебное дерево’; лит. *pėras* ‘личинка, выводок’ и лтш. н. pl. *peri* ‘то же’, греч. πόρ(τ)ις ‘теленоч, телка; сын, дочь’; лит. *pilis* ‘замок’ и лтш. *pils* ‘то же’, греч. π(τ)όλις ‘город’, др.-инд. *purih* ‘замок, город’; лит. *saĩtas, siėtas* ‘привязь’ и лтш. *sėta* ‘забор’, прус. *larga-saytan* (Stickledder, т. е. Steigleder) Е 446, др.-в.-нем. *seito* ‘веревка’, ав. *haētu* ‘плотина’; лит. *skalà* ‘щипка’ и лтш. *skala* ‘то же’, прасл. **skala*, др.-в.-нем. *scala* ‘горшок’ (Фасмер ЭСРЯ III 630–631; Fraenkel LEW 800); лит. *skarà* ‘платок’ и лтш. *skara* ‘шерсть, ткань; платок; тряпка’, прасл. **skora, *skara* ‘кора, шкура’, др.-англ. *scearu* ‘часть, доля’; лит. *stõgas* ‘крыша’ и лтш. *stāgs*, прус. *stagis* (Dache) Е 204, ст.-сл. *stogь* ‘то же’, греч. (σ)τέγος ‘крыша, дом’; лит. *taukai* ‘жир’ и лтш. *tàuki* ‘то же’, прус. *taukis* (Schmalz) Е 378, прасл. **tukъ* ‘то же’, лат. диал. *tucca* ‘колбаса’; лит. *vāras* ‘жердь, скрепка’ и лтш. н. pl. *varas* ‘край’, рус. *вор, вар*, оск. н. pl. *veru* ‘двери’ (Фасмер ЭСРЯ I 35; Fraenkel LEW 1197); лит. *viřvė* ‘веревка’ и лтш. *virve* ‘то же’, прус. *wirbe* (Seil) Е 314, прасл. **vьrvь* ‘веревка; община’, возможно, хетт. *uarua-lan-* ‘семья, потомство’⁹.

К прабалтийской эпохе следует отнести также значение результата действия следующих отглагольных существительных, которые имеют соответствия, видимо, только в славянских языках, напр.: лит. *dangà* ‘покрытие, покров’, лтш. *dañga* ‘покрытие; неровное место; угол’, прус. *dongo* (Refe,

⁶ Būga RR I 363–364; Фасмер ЭСРЯ II 273; Откупщиков Ю. В. К этимологии лит. *kaišas*, лтш. *kaišs* ‘череп; ковш’. — *Baltistica*, 1970, t. 6 (2), p. 185–192.

⁷ Широков О. С. Балто-албано-славянские глоттогенетические связи по этимологическим данным. — *Baltistica*, 1984, t. 20(1), p. 185–192; ср. еще: Гамкрелидзе, Иванов, Инд. яз., с. 693.

⁸ Urbutis V. *Baltų etimologijos etidudai*. — V., 1981, p. 132–134 su lit.

⁹ Топоров В. Н. О двух праславянских терминах древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 119–133 с лит.

видимо, Reife¹⁰) E 403, прасл. **doga* ‘дуга’; лит. *lañkas* ‘дуга’, *lankà* ‘заливной луг’, лтш. *lùoks* ‘изгиб, дуга’, курш. *lañka* ‘заливной луг’, прус. *lankis* (Winkel) E 199, *Lankaym*, *Lankeine* (Gerullis Altpr. Orts. 82), прасл. **lqka* ‘заливной луг’; лит. *nértas*, лтш. диал. *norts*, рус. *нерет*, *нором*; лит. *pluõ(k)štas*, лтш. *pluoksts*, прасл. **plastь* ‘пласт’ (Būga RR I 326, 369, 473; II 505; Endzelīns Senpr. val. 162, 202; Fraenkel LEW 88–89, 339, 356–357, 633, 750; Фасмер ЭСРЯ I 549–550; II 531; III 65, 273, 182; ЭССЯ У 99; Топоров Прус. яз. А–D 361–362).

ИД проявляют древнее сходство с названиями результатов действия не только в семантике, но и в формальной структуре. В литовском языке названия результатов действия образуются главным образом при помощи тех же суффиксов, что и ИД. Исключительно для образования названий результатов действия применяются лишь вторичные по происхождению суффиксы *-ėsis/ -ėsys*, *-(i)ukšlas/-ukšla*, *-das/-da/-dė*.

Названия результатов действия на *-ėsis/-ėsys* в современном литовском языке представляют довольно продуктивный словообразовательный тип (LKG I 372–373). Однако в древнелитовском зафиксировано лишь одно название результата действия, которое может быть отнесено к данному словообразовательному типу – Degiefis SD³ 316 (хотя нельзя исключить, что в этом случае мы имеем дело с более древним суффиксом *-esys/-esis*). Суффикс *-ėsis/ -ėsys* является исключительно литовским преобразованием суффикса *-esys/-esis*. О генетической общности этих суффиксов, кроме формального соответствия (вторичного продления гласного *e*), свидетельствует тот факт, что даже в современных диалектах производные на *-ėsis/-ėsys* и на *-esys/-esis* употребляются в тождественном конкретном значении, ср. *degėsis* (*degėsys*) и *degesys* ‘сгарь, пепелище’ (LKŽ II² 359); н. pl. *dūlėšiai* и *dūlesys* ‘гниль’ (там же 817); *kepėsis* и *kepėsis* ‘печенное яйцо; нагарь’ (LKŽ V 578).

Суффикс *-(i)ukšlas/-ukšla* выделяется в следующих производных: *pen(i)ukšlas* ‘пища’, широко распространенном в древнелитовских текстах, наряду с которыми имеется *penukšla* ‘то же’ (*żywność*) SD³ 290; *gėrukšlas* ‘напиток’ Brg (LKŽ III 269). Данный суффикс является преобразованием суффикса *-klas* (ср. *peniuklas* ‘пища’ P – LKŽ IX 786), как и суффиксы *-ekšlis*, *-okšlis*, *-ukšlė* и т. п.¹¹

С суффиксом *-das* и его парадигматическими вариантами *-da*, *-dė* в литовском языке наличествует всего несколько названий результатов действия от глаголов с корнем *klo-* (LKG I 376); два из них находим в письменности

¹⁰ Mažiulis V. Prūsų etimologijos. – Baltistica, 1978, t. 14(1), p. 52.

¹¹ Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. – V., 1943, p. 201–202; Otrębski J. Grammatyka języka litewskiego. – Warszawa, 1965, t. 2, s. 139.

XVI—XVII вв.: *paklōdas* ‘нижняя перина’ (Unterbett) Lex 100; *paklodē* ‘простыня’ (Bettuch) Lex 16a; DK 166₃. Суффикс *-das* (<*-do-), как и его соответствия в славянских языках, можно считать вариантом форманта **-to-*, ср. лит. *klōdas* ‘слой, залежь, пласт’, рус. *клад* и лит. *klōtai* ‘мостики’¹².

Остальные суффиксы, с которыми образуются названия результатов действия, — либо общие с суффиксами ИД, либо заимствованы из категории названий инструментов (*-tuvas*, *-eklas*, *-aklas*, *-uklas*, *-yklē*). Вообще набор суффиксов названий результатов действия по сравнению с ИД более ограничен. В древнелитовском названия результатов действия образуются с 42 суффиксами (из них 33 — общие с ИД), ИД — с 72.

Для более четкого разграничения ИД и названий результатов действия уже в древнелитовском проявляется тенденция широко использовать при образовании названий результатов действия суффиксы, возникшие на основе древних формантов отглагольных прилагательных, особенно *-alas* (из **-lo-*), *-inys* (из *-inas/-inis* < **-no-*). ИД с этими суффиксами образуются крайне редко.

Еще более тесная связь между ИД и названиями результатов действия выявляется при реконструкции прабалтийского и общеиндоевропейского состояния. Во-первых, ни один формант, который в балтийских языках используется для образования исключительно названий результатов действия, не может быть отнесен к прабалтийской или общеиндоевропейской эпохе. Во-вторых, существует большая группа общеиндоевропейских отглагольных существительных, не поддающихся разделению на ИД и названия результатов действия. Синкретизм значений действия и его результата является характерной чертой отглагольных существительных с формантами **-men-/-mon-/-mŋ-* и **-es-/-os-/-əs-*¹³, которые легли в основу литовских суффиксов ИД *-men-*, *-mē*¹⁴; *-esys/-esis*.

¹² Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. — Л., 1967, с. 121 и сл.

¹³ Porzig W. Bedeutungsgeschichtliche Studien. — IF, 1924, Bd. 42, S. 221—274; Namen für Satzinhalte im Griechischen und im Indogermanischen. — Berlin, 1942, S. 292—298; Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. — Göttingen, 1944, S. 356; Mátl A. Abstraktní význam u nejstarších vrstev slovanských substantiv (kmenů souhláskových). — In: Studie a práce lingvistické. Praha, 1954, t. 1, s. 131—151; Manessy J. Les substantifs en *-as-* dans la Rk-Samhitā. — Paris, 1961; Haudry J. Le suffixe i.-e. **-men-*. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1971 (1972), t. 46, N. 1, p. 109—137; Добрев И. Происходит и значение на праславянското консонантно и дифтонгично склонение. — София, 1982, с. 17—32.

¹⁴ Суффикс *-mē*, видимо, возник из форманта **-men-* вследствие перехода существительных с основой на *n* в деклинационную парадигму основ на *ē* (Specht F. Die Flexion der *n*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Verwandtes. — KZ, 1932, Bd. 59, S. 252 ff.; Skardžius P. Op. cit., p. 206; Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — V., 1968, p. 276—277).

Поскольку в общеиндоевропейском ИД и названия результатов действия, видимо, еще составляли одну словообразовательную категорию, некоторые производные могли обозначать как конкретный предмет, так и соотнесенное с ним действие. Наглядным примером такого синкретизма значений является производное *sėmiõ* (с вариантом *sėmenis*), которое в древнелитовском наряду со значением 'семя', характерным для многочисленных соответствий в родственных языках (ср. прус. *semen* 'Somen, т. е. Samen' E 256, ст.-сл. *seme*, лат. *semen* и др.), обладал также значением 'сев', напр.: *nefilaus femo ir pju-tuo* Ch Gen 8,22 'не прекратится сев и жатва' (также С II 351); *Siew/feminatio*. *Semenies metas* SD³ 402 'время сева' (также Ch Lev 26,5, ср. еще значение 'июнь' ВР II 337₁₅; Lex 19; Prūs. valdž. grom. 62_{36, 39, 40, 41}, 64₂ и значение 'май' в текстах XVIII – XIX вв., см. LKŽ XII 358).

Соотношения ИД с другими словообразовательными категориями отглагольных существительных являются более отдаленными и — с исторической точки зрения — вторичными.

Наибольший контраст наблюдается между категориями ИД и названиями носителей процессуального признака (*nomina agentis*). Особенно ярко он проявляется в тех случаях, когда производные образуются от акциональных глаголов¹⁵. Только при образовании существительных от стативных глаголов этот контраст в некоторых случаях нейтрализуется и ряд ИД (особенно флективные производные) приобретает значение носителей состояния. В древнелитовской письменности обнаружено несколько флективных ИД, которые в одних случаях употребляются в категориальном значении действия, а в других — в значении носителя состояния, ср. *nearykanta* 'ненависть' (обычно) и 'ненавистник' ВВ Job 15, 16; *neniovoka* 'недогадливость' и 'недогадливый человек' SD³ 12; Ch¹ 2 Сог 12,11; *skundžia* 'жалоба' и 'жалобщик' Lex 6; *švilpa* 'свист' и 'свистун' SD³ 139. В современных диалектах флективные ИД, особенно с отрицанием, также иногда используются для обозначения носителей состояния, ср.: *neiškalba* 'косноязычие, неразговорчивость' и 'человек, не обладающий красноречием' (LKŽ VIII 628); *neniojėga* (*neniojėgà*) 'непонимание' и 'тугодум' (там же 657); *nepakantà* 'нетерпение' и 'нетерпели-

¹⁵ ИД в литовском языке почти не употребляются в значении производителя действия, за исключением ИД *pašalpa*, *pagalba* 'помощь' в явно метафорическом значении 'помощник': *iiffai nōri mūmus būt pašalpa* DP 417₂₄ 'он хочет нам быть помощью (т. е. помощником)'; *Diewas yra pagalba mūsų* DP 82₂₂ 'Бог есть помощь наша (т. е. помощником нашим)' (еще ВВ Ps 70, 6), ср. сходное употребление прус. асс. *sg. pogalban*: *As qui ftefmu ainan pogalban teckint* (Ich will jm einen Gehülffen machen) III 101₁₂ (Trautmann R. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. — Göttingen, 1910 (в дальнейшем — AS), S. 402; Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. — V., 1981, t. 2 (в дальнейшем — РКР), p. 196.

вый человек' (там же 661); *nesùdera* 'несогласие' и 'несговорчивый человек' (там же 698) и др.

Некоторые флективные производные, в древнелитовском еще обладающие категориальным значением ИД, в современных диалектах зафиксированы лишь в значении носителя состояния, ср.: *pašëla* 'упрямство' С II 600; Kgz 201 — ныне 'упрямец, бесноватый человек' (LKŽ IX 561); *pražuva* 'гибель' SD³ 200, 472; SIG II 8₁₈, 15₄, 55₈, 109₁₇ (также в письменности XVIII—XIX вв.) — ныне 'пропавший человек'; *praživas* 'гибель' SP I 149₁₁ — ныне 'пропавший человек' (LKŽ X 595).

Со значением носителя состояния в современных диалектах употребляются некоторые ИД с суффиксами *-ulyš/-ulis* и *-alas*, напр.: *kriūkulyš* 'одышка' и 'страдающий одышкой' (LKŽ VI 649); *murmūlis* 'бормотание' и 'бормотун' (VIII 429); *nykulys* 'оскудение; горесть' и 'хиляк' (VIII 803); *nirtulys* 'злость, упрямство' и 'злюка' (VIII 815); *saugulys* 'забота, осторожность' и 'сторож' (XII 186); а также: *gaĩgalas* 'хрип' и 'хрипун' (III 126); *miėgalas* 'сон, дремота' и 'соня' (VII 134); *plėpalas, pliaũškalas* 'болтовня' и 'болтун' (X 146—147, 209) и др.

Однако приведенные примеры составляют лишь незначительную часть названий носителей процессуального признака, большинство которых образуется от акциональных глаголов и не обнаруживает никаких семантических связей с ИД.

ИД и названия носителей процессуального признака отдалены и по форме. Только один суффикс *-ulyš/-ulis*¹⁶, издавна характерный для ИД, стал применяться для образования носителей состояния. Об относительной древности этого процесса свидетельствуют древнелитовские антропонимы *Vambulis, Barulis, Degulis, Dundulis, Murmulis, Pyškulis, Tarulis, Žindulis*¹⁷ и т. п., а также соответствующие производные в латышском языке, напр.: *vārgulis* 'бедняга' (ср. лит. *pavargūlis*); *dusmulis* 'сердитый человек'; *smakulis* 'хрипун' (Endzelīns Latv. val. gr. 346).

¹⁶ Суффикс *-ulyš/-ulis*, видимо, возник из форманта **-ul-*, с которым образуются ИД в анатолийских языках (Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. — М., 1955, с. 66; Kronasser H. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. — Heidelberg, 1956, S. 118; Etymologie der hethitischen Sprache. Lfg. 2. Wortbildung des Hethitischen (в дальнейшем — Etym.). — Wiesbaden, 1963, S. 325—326; Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. — М., 1965 (в дальнейшем — Общ.), с. 49—50).

¹⁷ Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje. — V., 1977, p. 123, 134, 138, 183, 209, 210, 225, 240; ср. еще Lietuvių pavardžių žodynas A—K. — V., 1985, p. 184, 206, 347; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. В. Исследования в области славянских древностей. — М., 1974, с. 106, 116, 123.

Противопоставление словообразовательных категорий ИД и названий носителей процессуального признака восходит к глубокой древности и прослеживается вплоть до общеиндоевропейского, для которого Э. Бенвенист¹⁸ восстанавливает оппозицию имен на *-ti-, *-tu- со значением действия и имен на *-tér-, *-tor- со значением носителя процессуального признака (последние в балтийских языках были заменены функционально близкими производными на *-tājo, *-ējo-). С другой стороны, использование некоторых ИД для обозначения носителей состояния также наблюдается во многих индоевропейских языках с древнейших времен¹⁹.

С названиями носителей процессуального признака исторически наиболее тесно связаны названия инструментов (*nomina instrumenti*). Эта связь в литовском языке проявляется главным образом в общности некоторых словообразовательных средств.

С суффиксами *-ikas* и *-ūnas*, характерными для названий носителей процессуального признака, образовано несколько названий инструментов (LKG I 388, 391). Некоторые производные с суффиксом *-ikas* в диалектах имеют значение как производителя, так и инструмента действия, ср.: *grūdikas* 'тот, кто толочит' и 'толкач' (LKŽ III 655); *kėlikas* 'перевозчик' и 'мост' (V 516); *kirtikas* 'лесоруб' и 'кирка' (V 870–871); *lipikas* 'тот, кто поднимается вверх' и 'лестница' (VII 562) и др. Производное с суффиксом *-ūnas* *bėgūnas* в диалектах также обозначают как 'бегун', так и 'деревянная завеса; маховик' (LKŽ I² 391).

С другой стороны, суффиксы *-eklis(-ė)*, *-uoklis(-ė)*, *-(i)oklis(-ė)*, *-uklis*, *-iklis*, заимствованные из категории названий инструментов, используются для образования ряда названий носителей состояния (преимущественно в разговорной речи с пейоративным оттенком). Кроме широко распространенных производных *girtuoklis(-ė)/girtūklis(-ė)* 'пьяница' и *baidyklė* 'страшилище, пугало', в древнелитовском отмечены еще *nevedeklis* 'холостяк' (*bezzenec*) SD³ 13; *steneklis* 'заика' (*szeptun, zajaqliwy, zajaķajacy*) SD³ 435, 518; *žindeklis* 'грудной ребенок' Mž 518₇; *pavyduoklis* 'завистник' (*Miβgunner*) Lex 61a; *rijuoklė* 'обжора' BP I 18₉, 24_{7,24}, 190₉; II 229₁₅; BB Sir 31, 20; *vilioklis* 'обманщик' (*oszukiwacz, szalbierz*) SD³ 277, 432. С подобными вторичными преобразованиями форман-

¹⁸ Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indoeuropéen. — Paris, 1948, p. 111–112.

¹⁹ Brugmann Grdr. 610–613; Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. — Paris, 1933 (в дальнейшем — FNGA), p. 184–188; Porzig Namen, S. 130–134; Wakernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. — Göttingen, 1954, Bd. 2, T. 2 (в дальнейшем — AiG), S. 636–637; Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. — М., 1982 (в дальнейшем — Грам.), с. 145.

та **-tlo-* названия носителей состояния образуются и в латышском языке (Endzelīns Latv. val. gr. 349–356). Сходным путем суффикс *-(d)lo* используется для образования пейоративных названий носителей процессуального признака и в некоторых славянских языках — в польском²⁰, чешском²¹, болгарском²², сербскохорватском²³.

Единственный формант **-tlo-*, специфический для названий инструментов и имеющий рефлекс в балтийских, германских²⁴, италийских²⁵, армянском²⁶, по всей вероятности, и в славянских языках²⁷, с исторической точки зрения является апофоническим вариантом форманта **-tel-*, характерного для названий носителей процессуального признака. В этой функции формант **-tel-* выступает не только в славянских, но и в германских (Meid Wortb. 82), анатолийских (Kronasser Etym. 174–177; Иванов Общ. 49) и армянском языках (Туманян Структ. 76–77, 82). На первичную недифференцированность словообразовательных категорий названий носителей процессуального признака и инструментов действия указывает и тот факт, что в древнегреческом с формантом **-ter-/-tro-*, который является вариантом форманта **-tel-/-tlo-*, образуются как названия производителя действия, так и названия инструментов (Chantraine FNGA 321–324).

²⁰ Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego. — Warszawa, 1979, s. 200

²¹ Lohmann J. Genus und Sexus. — Göttingen, 1932, S. 79; Tvoření slov v češtině. — Praha, 1967, s. 115–116; Bares R. O. Die Nomina auf *-dlo*: Ein Beitr. zur tschechischen Wortbildung. — Meisenheim am Glan, 1970, S. 14–15.

²² Szymański T. Słowotwórstwo rzeczownika w bulgarskich tekstach XVII–XVIII wieku. — Wrocław, 1968, s. 53.

²³ Oczkowa B. Nomina instrumenti we współczesnym języku serbochorwackim. — Wrocław etc., 1977, s. 62; Beard R. Indo-European Lexicon: A Full Synchronic Theory. — Amsterdam etc., 1981 (в дальнейшем — Lex.), p. 187.

²⁴ Wilmanns W. Deutsche Grammatik. — Strassburg, 1899, Bd. 2, S. 274–275; Meid W. Germanische Sprachwissenschaft. Bd. 3. Wortbildung. — Berlin, 1967 (в дальнейшем — Wortb.), S. 187–188.

²⁵ Bugge S. Bemerkungen über Ursprung der lateinischen *-cla*, *-culo*, *-cro*; *-cla*, *-cula*, *-cra*; *-cino*, *-cinio*; *-cundo*. — KZ, 1872, Bd. 20, S. 134–140; Osthoff H. Forschungen im Gebiete der indogermanischen nominalen Stammbildung. — Jena, 1875, Bd. 1 (в дальнейшем — Forsch.), S. 1 ff.; Lejeune M. Les dérivés italiques en **-tlo-*. — Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. Troisième série, 1972, t. 46, p. 185–191.

²⁶ Туманян Э. Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке. — М., 1978 (в дальнейшем — Структ.), с. 82.

²⁷ О происхождении слав. *-dlo* из **-tlo-* см. Brugmann K. Wortbedeutungen in neuer Beleuchtung. — IF, 1905–1906, Bd. 16, S. 423–439; Brückner A. Miscellen. — KZ, 1914, Bd. 46, S. 207–211; Bares R. O. Op. cit., S. 3; Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański. Wrocław etc., 1974, t. 1, s. 114; Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская деривация имен. — Минск, 1973, с. 19–21.

О семантической связи между названиями производителя действия и средства действия (Beard Lex. 187—188) свидетельствует возможность постановки имен, выполняющих семантическую роль инструмента, в синтаксической позиции, характерной для агенса, напр., в предложениях типа *Ключ отпирает дверь*²⁸. Типологическим обоснованием данной связи служит употребление названий носителей процессуального признака для обозначения инструментов во многих разносистемных языках²⁹.

В балтийских языках названия носителей процессуального признака с индоевропейским формантом **-tel-/tlo-* уже не образовались. Продолжения форманта **-tlo-* здесь использовались только при образовании названий инструментов. Для общебалтийского можно реконструировать отдельную словообразовательную парадигму названий инструментов, древнейший слой которой составляют производные с суффиксами *-tlas/-klas*, *-tlā/-klā*, *-tlē/-klē*, прямо возникшие из форманта **-tlo-*, напр.: лит. *pjūklas* 'пила', прус. *piuclan* (Sychel, т. е. Sichel) E 547; лит. *aūkias* 'обора', *aūklė* 'веревка', лтш. *āukla* (*aūkla*) 'шнур, бечевка', др.-лтш. *aukle* 'то же', прус. *auclo* (Halfter) E 451. Они послужили для ряда других — вторичных суффиксов, среди которых общими для литовского и латышского языков являются следующие: *-iklis*, *-iklas*, *-iklė*, *-eklis*, *-āklis*, *-āklė*³⁰.

Для образования инструментов в балтийских языках были использованы некоторые форманты имен действия (ИД). Суффиксы *-tuvas* (*-tuvis*), *-tuvė*, с которыми в литовском языке часто образуются названия инструментов, являются преобразованиями форманта **-tu-*, характерного для ИД. Они прямо соответствуют латышским суффиксам *-tuvs* (*-tuvis*), *-tuve*, наряду с которыми употребляются еще *-tava*, *-tave*, *-tavs*; *-teve*, *-tevs*, *-tevis*, восходящие к тому же форманту **-teu-/tou-* с иной ступенью аблаута³¹, ср.: лит. *sėtuvė* || *sėtuvas* и лтш. *sētuve* || *sētave* || *sētava* || *sēteve* || *sētevs*₂ лукошко (с семенами); лит. *karštūvas* || *karštūvis* и лтш. *kārstuvis* || *kārstuve(s)* || n.pl. *kārstavas* || *kārstavs*₂ || *kārsteve*² 'чесалка' и др. (Endzelīns Latv. val. gr. 381). Литовский суффикс *-tuvas* также

²⁸ Филлмор Ч. Дело о падеже. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, вып. 10, с. 401—403, 405—410; Panagl O. Kasustheorie und Nomina agentis. — In: Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Regensburg, 9.—14. Sept. 1973/Hrsg. von H. Rix. Wiesbaden, 1975, S. 237—245.

²⁹ Dressler W. Universalien von Agens-Wortbildung. — In: Wege zur Universalien Forschung: Sprachwissenschaftliche Beitr. zum 60. Geburtstag von Hansjakob Seiler / Hrsg. von G. Bretschneider und Ch. Lehmann. Tübingen, 1980 (в дальнейшем — Univ.), S. 110—113.

³⁰ Endzelīns J. Baltu valodu skaņas un formas. — Rīgā, 1948, lpp. 94—95; Latv. val. gr. 350—352.

³¹ Мажюлис В. К балтийскому и индоевропейскому дативу ед. ч. — Baltistica, 1967, t. 3(1), p. 39—41.

соотносится с прус. *-tuvan* или *-tvan* в производном *schutuan* (Zwign) E 471 (ср. рус. диал. *шумво* ‘частая сквозная нить’³²), а суффикс *-tuvé* — с прус. *-tuvē* или *-tvē*³³: *coestue* (Burst) E 559 (ср. лит. *káištuvė* ‘скребница, скребок; терка’), см. Endzelīns Senpr. val. 196); *preartue* (Reutel) E 249 (ср. лит. *artùvės* ‘время вспашки’); возможно, и *nirtue* (Hemd) E 479 (ср. лит. *nértuvas* ‘грузило’ Grv — LKŽ VIII 690); с осложненным суффиксом (*-es-tvė*) также *romestue* (Barte) E 532 (ср. рус. *ремесство*, см. Фасмер ЭСРЯ III 468; Откупщиков Отнош. 123 — 124). На основании этих соответствий можно предполагать, что некоторые преобразования форманта ИД **-teu-/-tou-/-tu-* могли употребляться для образования названий инструментов уже в общепалтийскую эпоху. Позже суффиксы *-tuvas*, *-tuvė* в литовском, как и их соответствия в латышском³⁴, были использованы также для образования носителей состояния, ср. лит. *bjauretūvas* ‘мерзость’ (brzydliwość) DP 374₂₂.

Суффикс *-tis*, характерный для ИД, также давно применяется для образования названий инструментов не только в литовском, но и в латышском, напр.: лит. *sagtis*, лтш. *sagts* ‘пряжка’ (ME III 631, 812); лит. *sámtis*, лтш. *sañts* ‘черпак, ковш’ (там же 689); лит. *svirtis*, лтш. *svirts* ‘журавль’ (там же 1162), и прусском: *granstis* (Bohrer) E 535 (ср. лит. *gręžti* ‘сверлить’, см. Trautmann AS 342; Топоров Прус. яз. Е — Н 294 — 295); *lanctis* (Creugel, т. е. Kräuel) E 360 (ср. лит. *lañktis*, курш. *lañktis* ‘мотовило’ ME II 421); *pogaptis* (Brotspis, т. е. Brotspieß) E 362 (ср. лит. *gebėti* ‘уметь, понимать’ < ‘схватить’, см.: Trautmann AS 387; Vūga RR III 943 — 947; Mažiulis РКР 29); *passortis* (Schörstange) E 234 (ср. лит. *žėrti* (*žėrti*) ‘сыпать; выгребать’, см. Trautmann AS 390).

В эпоху формирования словообразовательной парадигмы названий инструментов значение инструмента получили и отдельные ИД других словообразовательных типов. Если прибалтийско-финское существительное *vehmä-* ‘дышло’ действительно является балтийским заимствованием³⁵, то инструментное значение лит. *vežimas* (лтш. *vezums*) ‘повозка’ следует отнести к периоду древних балто-финских контактов.

³² Откупщиков Ю. В. Из истории балто-славянских лексических отношений. — *Baltistica*, 1971, t. 7(2) (в дальнейшем — Отнош.), p. 121.

³³ О восстановлении данных суффиксов см.: Trautmann AS 158; Endzelīns J. Darbu izlase. — Rīgā, 1980, s. 3, d. 2, lpp. 217; Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. — V., 1966, p. 50.

³⁴ *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*. — Rīga, 1959 (в дальнейшем — MLLVG), s. 1, lpp. 155.

³⁵ Posti L. Some New Contributions to the Stock of Baltic Loanwords in Finnic Languages. — *Baltistica*, 1977, t. 13(1), p. 269 — 270.

Ряд балтийских названий инструментов образован при помощи формантов *-to-, *-lo-, *-no-, *-ro- (или их вторичных преобразований), характерных для отглагольных прилагательных, напр.: лит. *aūtas*, лтш. *āuts* ‘онуча, портянка’, ср. прасл. **obutъ*³⁶; лит. *braūktas* ‘задвижка, засов’, лтш. *braukts* ‘деревянный нож для очистки льна’, ср. прасл. **bru(k)tъ* (ЭССЯ III 53); лит. *siētas*, лтш. *siēts* ‘сито’, ср. прасл. **sito* (Фасмер ЭСРЯ III 628; Fraenkel LEW 783); лит. *kāltas*, лтш. *kalts* ‘долото’ (ME II 146), лит. *kešlas* ‘железный инструмент’, прус. *kersle* (Sulaxe, Howe) E 534, 549, ср. прасл. **čerslo* (Trautmann AS 356–357; Būga RR I 435; Fraenkel LEW 245; ЭССЯ IV 74–75; Топоров Прус. яз. I–K 337–339); лит. *kaplūs*, лтш. *kaplis* ‘резец’ (ME II 159); лит. *priekālas* (*priekalas*) ‘наковальня’, прус. *preitalis* (т. е. *preicalis*) (Anebōs, т. е. Amboß) E 517; лит. *tėkėlas* (*tekėlas*), *tākilas* ‘точило’, лтш. *teciēls*, *tecelis* ‘точильный камень’, прус. *tackelis* (Schlifstein, т. е. Schleifstein) E 530, ср. рус. *точило* (Trautmann AS 444; Būga RR II 630; Fraenkel LEW 1074); лит. *kapōnė*, *kapōnas* Brs (LKŽ V 241), лтш. *kapāns*, *kapāne* ‘косарь, сечка’ (ME II 158); лит. *mentūris*, лтш. *miētūris* ‘мутовка’ (ME II 656) и др.

Названия мест действия (*nomina loci*) являются совсем новой словообразовательной категорией. Почти все суффиксы литовских названий мест действия являются тождественными или генетически близкими суффиксам названий инструментов. С суффиксами *-tuvė*, *-klė*, *-yklė* образуются как названия инструментов, так и названия мест; *-ykla* – единственный суффикс, характерный только для названий мест – является парадигматическим вариантом суффикса названий инструментов *-yklas*. Однако и этот суффикс *-ykla* стал активно использоваться для образования названий мест сравнительно поздно. В древнелитовских текстах XVI–XVII вв. зафиксировано только одно производное данного типа *ganuklā* ‘пастбище’ (ср. лтш. *ganīkla* ‘то же’ ME I 600). Таким образом, названия мест действия как особая словообразовательная категория отделилась от инструментов действия уже в эпоху письменной традиции литовского языка.

В других родственных языках названия мест действия также издавна образовались с теми же аффиксами, что и названия инструментов (Burgmann GrdG 621–624). В латышском языке *-tuve/-tave* является суффиксом названий и инструментов, и мест действия (MLLVG I 155). В славянских языках для образования мест действия используется суффикс *-(d)lo*³⁷, в латинском –

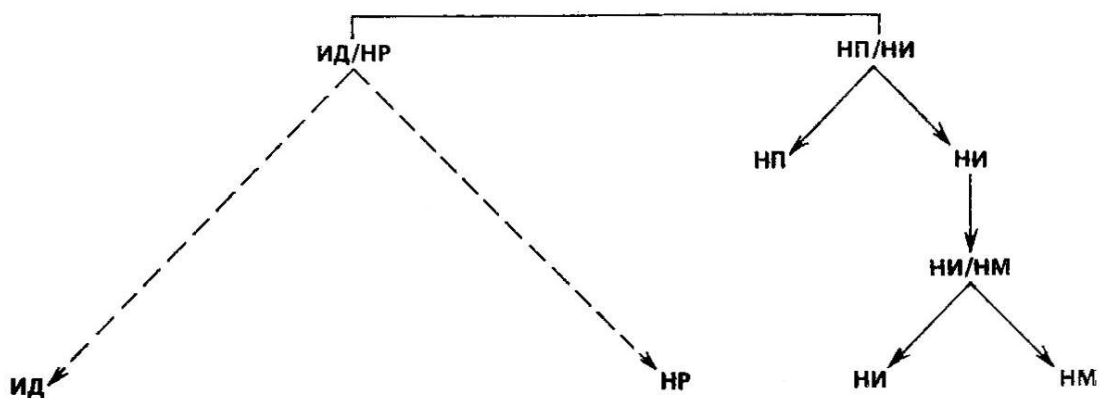
³⁶ Фасмер ЭСРЯ III 109; Eckert R. Altlett. *autis* ‘Windeln’ und rus. *obut* ‘Schuhwerk’. – *Baltistica*, 1970, t. 6(2), p. 179–184.

³⁷ Zett R. *Slavische Nomina loci mit Suffix -(d)lo*. – *Die Welt der Slaven*, 1971, Bd. 16, S. 397–413 с лит.

*-c(u)lum*³⁸, в древнеиндийском — *-tra*³⁹. Превращение названий инструментов в названия мест отмечается также в других семьях языков разного грамматического типа (Dressler Univ. 112–113).

Приведенные наблюдения над историческими отношениями между разными категориями словообразовательной системы отглагольных существительных позволяют полагать, что древнейшее состояние этой системы, уходящее к общеиндоевропейской эпохе, характеризуется противопоставлением двух синкретических категорий. Первая из них включает имена действия (ИД) и названия результатов действия (НР). Ко второй категории относятся названия носителей процессуального признака (НП) вместе с названиями инструментов (НИ). В результате дифференциации синкретической категории НП/НИ сформировалась отдельная словообразовательная парадигма названий инструментов, которая уже существовала в общепалтийском. На основании словообразовательной категории названий инструментов сформировалась категория названий мест действия (НМ), которая явно выделилась из общей парадигмы НИ/НМ уже в период письменной традиции литовского языка. Названия результатов действия и в современном литовском языке функционируют чаще всего в качестве семантических вариантов имен действия, образованных от тех же глаголов и при помощи тех же аффиксов.

Основные исторические изменения в словообразовательной системе отглагольных существительных можно представить следующей схемой:

³⁸ Osthoff Forsch. 136–137; Otrębski J., Safarewicz J. Gramatyka historyczna języka łacińskiego. — Wilno, 1937, s. 236.

³⁹ Lindner B. Altindische Nominalbildung. — Jena, 1978, S. 136–137; Wackernagel, Debrunner AiG 701–703; Герценберг Л. Г. Морфологическая структура в древних индоиранских языках. — Л., 1972, с. 242; Елизаренкова Грам., с. 153.